ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМК
Фонд №
Арх. №
лист

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

St. Petersburg | 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

Санкт-Петербург | 2018

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:
М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор), Н. А. Лазаревская (отв. секретарь), Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:
M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor), N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov, V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:
д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:
Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (*Л. М. Всевиов, М. В. Медведева*) 9

Биография Г. В. Длужневской в фотографиях 20

С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла 24

ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской 30

Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие 30

С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам 35

Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью… 38

Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея 41

С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской 45

А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской 47

Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла… 51

А. О. Машезерская. Архив возможных отношений 56

А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО 58

Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции 63

ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири 69

Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа) 69

К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников 79

М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы 86

А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода 96

М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага 104

М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии 113

С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия) 117

В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы 120

С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины 128

С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника 132

Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокэльской культуры Катылыг 5 в Туве 140

П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве 145

Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы 149

Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской 156

В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея
(к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей) 163

В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента 168

А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль 178

ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях 185

И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии 185

Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Рикерра 194

М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «…Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций…»:
Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу 200

Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири 205

Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле 212

В. А. Алёкшин. Парижские университеты А. А. Миллера
и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905) 219

Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц:
1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву 227

А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения
в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге 240

Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма 264

В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период
(по материалам НА ИИМК РАН) 270

С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года 280

Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии
в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) 285

О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани:
на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.) 294

В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник
по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг. 300

В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг. 303

А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии
(по материалам полевых дневников В. П. Левенка) 313

Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам… Послесловие редактора 318

Список сокращений 322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (*L. M. Vseviov, M. V. Medvedeva*) 9

Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos 20

S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle 24

PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya 30

E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage 30

S. N. Astakhov. Per aspera ad astra 35

B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude... 38

Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey 41

S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya 45

A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya 47

L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate... 51

A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations 56

A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO 58

*D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†).*The Crimean album published in Turkey 63

PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia 69

D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis) 69

K .V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period 79

M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva 86

A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period 96

*M. A. Devlet, E. G. Devlet (†).*Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga 104

M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia 113

S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia) 117

V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva 120

S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression 128

S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery 132

T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva 140

P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva 145

B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva 149

G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya 156

V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey
(the problem of building andlocalization of Uigur fortresses) 163

V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent 168

A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul 178

PART III. The history of science in documents and photographs 185

I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology 185

E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker 194

M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "…I happened to meet many persons of different faiths and nations…".
A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz 200

L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia 205

E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland 212

V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A Miller
and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905) 219

N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals:
1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev 227

A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history
on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute
of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg 240

N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards 264

V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary
period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS) 270

S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946 280

N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s) 285

O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan:
at the turning point of historical epochs (1917–1921) 294

V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source
on the history of the Kunstkammer. 1776–1783 300

V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s 303

A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology
(Materials from the field journal of V. P. Levenok) 313

N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained… Afterword of the editor 318

List of Abbreviations 322

Н. И. Платонова[1]

Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)

Ключевые слова: *РАИМК, ГАИМК, Институт археологической технологии, М. В. Фармаковский, Н. П. Тихонов, В. Н. Кононов, В. В. Данилевский, реставрация тканей, реставрация документов, анализ металлических сплавов, изучение археологического угля.*

Keywords: *RAIMK, GAIMK, Institute of Archaeological Technology, M. V. Farmakovskiy, N. P. Tikhonov, V. N. Kononov, V. V. Danilevskiy, restoration of textiles, restoration of documents, analysis of metal alloys, investigation of archaeological charcoal.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-285-293

В начале XX в. идея интеграции естественно-научных и исторических дисциплин буквально носилась в воздухе. В представлениях российской академической элиты «научные методы» в области истории культуры прочно ассоциировались с комплексом естественно-научных и технических методик. За этим отчетливо просматривалось «…стремление к созданию своеобразного универсального — позитивистского по своей сути — научного знания, базирующегося, прежде всего, на естественно-научной методологической основе, но распространяющегося и на гуманитарную – историческую и историко-культурную проблематику…» (*Цыпкин*, 2009. С. 109).

Первым и совершенно уникальным на тот момент опытом институциализации естественно-научного подхода в археологии стало создание при РАИМК в 1919 г. *Института археологической технологии* (ИАТ[2]). Здесь должны были изучаться «с естественнонаучной точки зрения все вопросы, <…> не разрешимые при условии применения одних лишь филологических, археологических и историко-художественных методов» (НА ИИМК РАН[3]. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 4, л. 39).

Наиболее подробный и адекватный анализ научной концепции ИАТ содержится в диссертационной работе Д. О. Цыпкина (*Цыпкин*, 2009. С. 87–171). Однако детально там рассмотрены лишь работы в области фотоанализа археологических материалов, представляющие интерес в контексте проблемы становления экспертного направления изучения документов. В археологической литературе история ИАТ и его научных поисков почти не отражена. Обращение к этой теме в рамках мемориального сборника Г. В. Длужневской представляется мне уместным.

Первым директором ИАТ был назначен в 1919 г. *Николай Петрович Сычёв* (1883–1964), но его почти сразу сменил на этом посту акад. *Александр Евгеньевич Ферсман* (1883–1945). Душой всего дела оказался ученый секретарь института, художник и реставратор *Мстислав Владимирович Фармаковский* (1873–1946). Именно он, по большей части, осуществлял повседневное руководство.

«С первого момента выяснилось различие в понимании задач, — писал М. В. Фармаковский в 1922 г., — были, правда, весьма немногочисленные сторонники придания Институту чисто практического значения, как бы большой реставрационной мастерской, но подавляющее большинство высказалось категорически за чисто научную постановку дела, за создание ученого учреждения с совершенно самостоятельной задачей изучения технологии объектов археологии… Не подсобное разрешение задач, возникающих у археологов, а самостоятельная деятельность по изучению вопросов, диктуемых самим материалом, типом обработки, вопросов распространения производственной традиции и т. д. — вот цель такого института. При нем могут быть лаборатории, реставрационные мастерские и другие вспомогательные учреждения… Но Институт, как таковой, должен остаться учреждением ученым…» (*Фармаковский*, 1922. С. 2).

1 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии. Адрес электронной почты: niplaton@gmail.com.

2 В 1929 г. ИАТ ГАИМК был переименован в Технологическое отделение ГАИМК, а в 1932 г. — в ИИТ (Институт исторической технологии). Характер его деятельности от перемены названий мало изменялся. В 1937 г., в связи с преобразованием Академии в Институт истории материальной культуры АН СССР, ИИТ стал Лабораторией археологической технологии, которая в 1938 г. окончательно исчезла из структуры ИИМК за отсутствием финансирования и помещений для ее развертывания.

3 Далее при ссылке на материалы Научного архива ИИМК РАН его название не повторяется.

Отчетливо понимая, что без заинтересованной государственной поддержки и партнерства все дело неминуемо погибнет, руководители ИАТ отчаянно боролись за свое детище. В период катастрофического сокращения штатов в 1921 г. в их отчетном докладе прозвучало: «Военные бури, сокрушая благосостояние, унося миллионы жертв, производят в организме народов, <…> взрыв всех таящихся сил, всей динамики, заложенной в этом организме; в иных случаях это называется подъемом духовных сил, в других — революцией. В эти моменты послевоенной грозы, мысль народа работает <…> с исключительной глубиной. При таких обстоятельствах родилась идея Института Археологической Технологии; мысль, которая показалась бы совершенно парадоксальной, если бы не могла найти реальных форм: дать археологический материал естественнику, дать археологу методы естественных наук. *Мысль революционная не по внешним своим формам, но по всей своей глубине. Работники Института могут быть совершенно аполитичны по своим гражданским убеждениям, но работая в Институте, они оказываются революционерами в научных своих приемах…* (курсив мой. — *Н. П.*)» (Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 49, л. 20).

Особый акцент на «революционность» ИАТ, конечно, был рассчитан на интерес со стороны Наркомпроса. Однако руководство не торопилось с финансированием нового направления. Удерживать ИАТ на плаву помогало лишь привлечение внештатных сотрудников и обращение к проблемам, наиболее актуальным для учреждений-смежников. В тоненьком втором выпуске «Известий» ИАТ, вышедшем в 1924 г., приведено *credo* основателей Института, сформулированное ими в те тяжелые, отчаянные для археологии времена: «Пока Государство считает необходимым содержать музеи и сохранять исторические памятники, оно заинтересовано в том, чтобы музейные коллекции сохранялись от разрушающих явлений и чтобы разрушенное по мере сил восстанавливалось, чтобы монументальные памятники не падали, не шелушились, не трескались. Таким образом, пока есть государственные музеи и охраняемые Государством памятники, до тех пор Государство заинтересовано в том, чтобы где-то разрабатывались настоятельные вопросы археологической технологии…» (*Ферсман, Фармаковский*, 1924. С. 49).

Все это долго оставалось гласом вопиющего в пустыне. Однако ситуация изменилась, когда в 1924 г. страшное наводнение затопило подвалы Этнографического отдела Русского музея. Там находились, в частности, археологические ткани из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (курганы Ноин-Ула). В ходе их очистки выяснилось, что методы, апробированные на этнографических тканях, в данном случае приводят к разрушению артефактов.

При активной поддержке Н. Я. Марра и Монгольской комиссии[4] М. В. Фармаковский в 1925 г. организовал в ИАТ специальную «Лабораторию по изучению способов хранения и реставрации древних тканей». Ее деятельность способствовала внедрению в практику исследований археологических материалов целого ряда принципиально новых методов — микроскопического, спектрального, микрохимического, гистологического анализа и пр.

Описывая эти события 90 лет спустя, реставратор Н. В. Ермакова констатировала: «…Первоначально ткани поступили на реставрацию в Этнографический отдел Русского музея. Однако памятники, возраст которых около двух тысяч лет, потребовали иных методов очистки, чем применявшиеся при реставрации этнографических коллекций. <…> Сохранности археологического текстиля могли способствовать только реставрационные приемы, находящиеся в соответствии с технологическими свойствами раскопочного материала… Микрохимические исследования позволяли выявлять типы протрав, использовавшихся при крашении. При изучении шерсти использовался гистологический анализ. После очистки текстиля парами органических растворителей специалисты ИАТ исследовали образцы с помощью световых фильтров и ультрафиолетового излучения, что позволило получить фотографии рисунков тканей Ноин-Улы. Изучение окраски волокон дало возможность выполнить их графическую реконструкцию в цвете…» *(Ермакова*, 2005. С. 17).

Результаты были достигнуты впечатляющие. Следует особо отметить значение работ по фотоанализу археологических тканей из монгольских раскопок. В основу их легли эксперименты в области физических способов исследования красок, начатые здесь же, в ИАТ, еще в 1920–1921 гг. *Василием Александровичем Щавинским* (1868–1924), *Александром Александровичем Поповицким* (1968–1923) и *Василием Николаевичем Кононовым* (1882–1957). Но тогда речь шла, в первую

4 Так называлась в обиходе Комиссия по научному изучению Монголии, организованная 31 марта 1925 г. под руководством управделами Совнаркома Н. П. Горбунова. Заместителями председателя являлись там акад. С. Ф. Ольденбург и акад. А. Е. Ферсман.

очередь, о живописных красках и истории живописного дела. Тем не менее уже в те годы в разряде живописи и красок началось «изучение отраженных спектров различных пигментов» путем фотографирования этих спектров (*Ферсман, Фармаковский*, 1924. С. 29). Было проведено исследование различных образцов красок, фотографирование спектров через светофильтры и в лучах, окрашенных парами металлов (*Поповицкий*, 1922). В середине 1920-х гг. работы по фотоанализу цветности были возобновлены уже на материалах монгольских археологических тканей. Проблема была вынесена на обсуждение в докладе *Николая Петровича Тихонова* (1882–1942) в 1927 г.

Стенограмма заседания Президиума ИАТ гласит: «Докладчик, сделав указание на то, что в западной литературе нет никаких данных относительно метода фотоанализа цветности, считает этот вопрос новым в науке и лишь в некоторых своих основных частях вытекающим из русских работ, проделанных в области судебной фотографии Буринским, Поповицким и Фаворским (область чтения скрытых письмен). В применении их метода делаются попытки выйти за пределы расширения зрительной способности путем фотографии не только в области тональности, но и чтения цветностей…» (Ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 36, л. 8).

Большой удачей оказалось открытие и реставрация фрагмента портретной вышивки из Ноин-Ула, о котором М. В. Фармаковский писал так: «…Между прочим, в коллекции Козлова имеется ткань с изображением головы воина. Это первый и единственный портрет подлинного владельца вещи. Ткань в свое время была получена мною из ГАИМК для опытов: она представляла тогда черный, небольшой, совершенно твердый комок. <…> Этот кусочек был выбран, как совершенно негодный, безнадёжный. Попеременным действием пара и обработкой растворителем <…> удалось довести вещь до состояния, когда можно видеть прекрасную вышивку, изображающую голову воина; эта вещь составляет своего рода гордость Эрмитажа…» (*Фармаковский,* 1947. С. 95–96).

Тот же случай описывает в публикациях и Н. П. Тихонов, под непосредственным руководством которого проводился фотоанализ фрагмента: «…Прежде, чем начинать какую-нибудь реставрацию, необходимо было поставить опыты над действием различных растворителей; а так как результаты применения <…> были гадательны ввиду крайней ветхости, засорённости и вероятного перерождения тканей, то для эксперимента следовало брать материал, лишь абсолютно лишённый археологической ценности; поэтому были взяты бесформенные куски, обрывки и свертки, которые были отброшены при разборке инвентаря, как безнадежный мусор…» (*Тихонов*, 1931а. С. 17).

Далее, по его словам, шаг за шагом стали нащупываться и проверяться способы применения растворителей, их комбинации, последовательность, дозировка и т. д. Спекшийся комок шерстяной ткани, на котором затем обнаружилась вышивка, вдобавок ко всему, был загрязнен какой-то черной восковой смолообразной массой. Микроскопический и микрохимический анализ фрагмента позволил установить, что изначально это была какая-то душистая мазь или смола. Ее удалось совершенно растворить в четыреххлористом углероде. «…После этого подготовительного опыта был погружен в тот же растворитель и весь испытываемый объект. <…> Повторяя размягчение в ванне и обработку паром, удалось весь спекшийся комок совершенно размягчить… На ней оказалась превосходно выполненная вышивкой гладью голова воина…» (Там же. С. 18).

В лабораторию фотоанализа исследуемый кусок поступил в вычищенном виде, но на его темной поверхности лишь с трудом улавливались пятна, свидетельствующие о наличии портретного изображения. Применяя метод повышенной тональности, при помощи которого аккумулировалось световое впечатление на пластинку, исследователям удалось выявить на фотографиях изящный рисунок в оттенках серых тонов. Однако «стояла труднейшая задача определить цвет объекта и по возможности реконструировать сам объект в красках. Сам объект по своей высокой художественной и археологической ценности этого требовал…» (Там же).

Допустив, что краска исчезла не вся, а частично сохранилась, специалисты ИАТ начали спектральный анализ отдельных волокон ткани, подтвердивший их предположение. Далее, используя реакцию специальных панхроматических пластинок на разные цвета спектра, они стали экспериментировать над установлением дозировки экспозиций и плотностей выделяющих фильтров для выделения отдельных цветных участков.

«…Полученные частичные негативы, почти не содержащие видимого изображения, дали нам возможность перейти ко второй части работы — повышению тональности имеющихся частичных снимков. Это шло обычным, детально разработанным в нашей лаборатории путем последовательного наложения светочувствительных слоев… Результаты, несмотря на всю их сложность, оправдали наши надежды…» (Там же. С. 19; *Тихонов,* 1934. С. 90).

Не менее сложная работа была осуществлена в ИАТ В. Н. Кононовым для ковра из Ноин-Ула, украшенного аппликациями в виде стилизованных растений и сцен борьбы животных — лося с грифоном, яка с хищником (*Воскресенский, Кононов*, 1932). В 1929 г. все эти работы по очистке, восстановлению цветности и графической реконструкции тканей демонстрировались на Берлинской археологической выставке.

Деятельность ИАТ в области фотоанализа на практике пролагала новые пути изучения археологического материала. Начинания Института достаточно быстро были подхвачены учреждениями-смежниками. В частности, уже в 1931 г. Н. П. Тихонов упоминает о попытках организации в Русском музее собственной лаборатории фотоанализа (*Тихонов*, 1931б. С. 47). Дальнейшее развитие и внедрение указанного метода, ввиду его важности для реставрации живописи (в т. ч. иконописи), а также открытия «потухших записей» в рукописях и т. д., происходило быстрыми темпами — и в СССР, и за рубежом. Не лишне отметить, что начало отечественным разработкам такого рода было положено именно в ГАИМК.

Еще одним важным начинанием, тоже напрямую связанным с работами по археологическому текстилю, было исследование древних красителей. Работы проводились группой красок и техники живописи «…в направлении разработки методики открытия красок на археологических объектах, систематизации результатов опытов по открытию индиго, пурпурина и ализарина, пользуясь восточным материалом и методом анализа минеральных красок» (*Тихонов*, 1931б. С. 47). На рубеже 1920–1930-х гг. в институте уже была собрана коллекция образцов из 388 красок с их подробным химическим анализом; выполнено около 1000 опытов, призванных выяснить точный характер действия на них различных химических веществ, в том числе дезинсекторов (Там же).

Важным пионерным направлением ИАТ явилось изучение «археологического угля» из раскопок путем изучения микроструктуры древесного угля в прозрачных шлифах с целью определения исходных древесных пород. Изобретателем методики стал профессор Уральского университета *Владимир Онисимович Клер* (1878–1958). Исследования свойств древесного угля были связаны с его работами по технологии углежжения. Впрочем, тут сказалась и широта интересов В. О. Клера. По его словам, «близко интересуясь экологией доисторического человека на Урале», он в начале 1920-х гг. работал над материалами различной сохранности (кость, уголь, истлевшая древесина) и «убедился в том, что возможно почти во всех случаях, с очень малой затратой времени и без сложных приспособлений, изготовлять весьма демонстративные препараты» (*Клер*, 1926. С. 6).

В 1926 г. В. О. Клер лично изготовил первые препараты угля из раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба в Крыму. По ним удалось определить породу дерева (можжевельник), горевшего в гроте в эпоху среднего палеолита. Тогда же он описал свою методику в брошюре, изданной ИАТ (Там же). Это было совершенно новое слово в палеоботанических исследованиях. Далее методику В. О. Клера стали применять и развивать уже другие ученые, работавшие по совместительству в биологическом разряде ИАТ: выдающийся ботаник и палеоботаник *Иван Владимирович Палибин* (1872–1949) (в 1920-х гг. — старший хранитель Ленинградского ботанического сада) и его ученица *Адель Федоровна (Адель-Луиза Фридриховна) Гаммерман* (1888–1978). Именно они продолжили работу с материалами крымского палеолита, а заодно успешно апробировали методику на материалах коллекции углей и дерева, собранных в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (*Тихий*, 1926. С. 5). Микроснимки шлифов, сделанных «сухим путем по способу проф. Клера», выполнялись в лаборатории фотоанализа ГАИМК (*Гаммерман*, 1931. С. 22).

Значительный интерес представляли исследования разряда керамики и стекла. Главной задачей их считалось выявление и изучение «технологических типов» и создание универсальной технологической классификации керамического материала (*Фармаковский, Красников*, 1926; *Фармаковский*, 1995[5]). По документам, сохранившимся в архиве ИИМК РАН, можно заключить, что в ИАТ уже в 1920-х гг. отрабатывалась методика технологического исследования керамики путем изготовления шлифов и изучения микроструктуры в проходящем и поляризованном свете (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 72; *Тихонов*, 1931б. С. 47).

М. В. Фармаковский был знаком с французской традицией технологической классификации керамических изделий, мало известной русским археологам. Эта традиция развивалась во Франции не историками культуры, а в первую очередь практиками-мануфактурщиками. Речь идет о т. н. «системе Броньяра»[6],

5 Данная публикация содержит отрывки из большой работы М. В. Фармаковского, рукопись которой хранится в ИИМК РАН (Ф. 59, д. 14).

6 А. Броньяр (Brongniart, Alexandre) (1770–1847) — французский химик и геолог, создатель Национального музея керамики при Севрской фарфоровой мануфактуре.

построенной на признаках спекания керамической массы, и ее последователях.

«Оценить её (систему А. Броньяра. — *Н. П.*) и практически применить к археологическому материалу может лишь человек, имеющий технологические знания, — писал М. В. Фармаковский. — Она опирается на испытание материалов, химический анализ, технический разбор громадного материала археологического и этнографического, но она оперирует понятиями, слишком специфическими и чуждыми для историков. Но и помимо того, в ней есть недостаток органический, <…> она, как бы ни была велика её ценность, только констатирует факт, сорт изделия, а не изучает вопроса об историческом месте этого факта. Броньяр наметил черты эволюционного процесса в области керамики, ибо степень спеканья уже относится к области эволюции технологической идеи, но когда он построил всю свою систему классификации, она оказалась слишком узко технологичной…» (Ф. 59, д. 14, л. 11).

Сам М. В. Фармаковский предлагал положить в основу классификации «диалектическое развитие технологической идеи, обнаруженное данным керамическим типом». Важнейшими признаками, влияющими на характер подразделений, являются у него химический состав массы и обжиг. «Поскольку и первый, и второй признак регулируются человеческим трудом, приложенным к сырому материалу и керамической массе, и уровнем технологических знаний, <…> то вся классификация <…> может строиться на систематике работы человека и выяснении её активной и сознательной роли в процессе превращения сырья в продукт. Меня интересует не столько самый продукт, сколько созреванье технологических знаний человека… Задачей в классификационной работе мне представляется вскрытие динамики, заложенной в каждом продукте человеческого труда… Это моя рабочая гипотеза, оказавшая мне лично большую пользу в понимании многих вопросов технологии керамики» (Там же. Л. 18–19).

«Тип», по Фармаковскому, — это не статическое незыблемое явление, а количественное накопление до пределов качества, т. е. нечто, заключающее в себе динамическое начало. Автор выделяет пять основных технологических типов керамической массы — красный, белый (каолиновый), желтый, кремнеземистый и черный. Тип «созревает» по линии подбора материала, выявляющего те производственные свойства, которые данному типу присущи. Созревает тип и по линии обжига, проходя в своем развитии разные стадии — докерамическую, примитивную, зрелую и совершенную (Там же. Л. 40–42).

В оригинале работы, открывающейся большим методологическим разделом, приведены таблицы результатов химического анализа образцов упомянутых пяти основных типов массы. Каждому из них дана развернутая характеристика с точки зрения химического состава и свойств. Сами анализы были произведены в лаборатории ИАТ А. А. Жирновой и повторены З. И. Лавровой, которых, безусловно, следует признать соавторами М. В. Фармаковского.

В этой части работы явно прослеживаются «веяния времени», стремление выработать научный метод, способный полностью заменить собой прежний «формальный анализ». Есть даже попытка дать определение «стадиальности» в приложении к данному материалу. Это, по Фармаковскому, «повторный путь превращения количества в качество, случайности в постоянство» (Там же. Л. 41).

Разумеется, эта цель не была достигнута. «Универсальная классификация по диалектическому принципу» не смогла вытеснить все иные формы классификации. Но для своего времени предложенная модель, даже недоработанная, была новаторской. Она открывала новые аспекты анализа керамического материала, изобиловала нестандартными мыслями, давала информацию о французской традиции технологической классификации керамики, почти не известной отечественным специалистам. Последующие поколения археологов-керамистов, на мой взгляд, немало потеряли от того, что этой рукописи выпало осесть без движения на архивной полке.

Спектр работ ИАТ 1920-х гг. был достаточно широк и не исчерпывался описанными выше направлениями. Еще до начала сотрудничества с Монгольской комиссией в 1923 г. Институт включился в большую работу по вопросам консервации книжных фондов Публичной библиотеки и разработки методов борьбы с книжными вредителями. К работе оказались привлечены энтомологи, ботаники, микологи. Последующие исследования монгольских материалов экспедиции П. К. Козлова также включали в себя бумажные объекты и требовали разработки специальных методов очистки и реставрации ветхой бумаги (*Тихонов*, 1931б. С. 47).

На протяжении 1920-х гг. ИАТ проводил весьма серьезные (хотя, преимущественно, прикладные) работы в области минералогии и изучения характера использования камня в культуре человека. Минералогическая группа провела определение огромного

количества драгоценных камней в различных хранилищах СССР (отчасти это было связано и с работой по «изъятию церковных ценностей») (*Ферсман*, 1922). Определялись породы камня в коллекциях Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, археологических коллекциях Эрмитажа и т. п. Проверялись и разрабатывались новые способы очистки и реставрации камней, рецептуры их полировки и пр. (*Тихонов 1931б*. С. 46).

Причастность к разработке «новых методов», актуальных с точки зрения ресурсного подхода к источникам, спасала институт вплоть до 1930 г. от любых идеологических нападок. Вплоть до «чистки» ГАИМК (апрель — май 1930 г.) ИАТ оставался наиболее «благополучным» подразделением Академии. Даже в конце 1929 г., когда вся прежняя структура ее оказалась сломана, ИАТ не был ни расформирован, ни лишен прежнего руководства. Его лишь переименовали в Технологическое отделение ГАИМК. Заведующим стал М. В. Фармаковский.

На беду, незадолго до «чистки» ГПУ арестовало и выслало из Ленинграда сотрудницу лаборатории фотоанализа Н. И. Нарбут как активного члена баптистской общины. С санкции М. В. Фармаковского уборщица сожгла все бумаги, оставшиеся в рабочем столе Нарбут. Когда слух об этом дошел до комиссии по чистке, участь обоих была решена. Вдобавок к скандалу с бумагами кто-то донес, что ведущие сотрудники ИАТ, имевшие заработок в АН СССР или других учреждениях, систематически отдавали свою зарплату по ГАИМК в пользу малооплачиваемого младшего обслуживающего персонала лабораторий. Так поступали в разное время акад. А. Е. Ферсман, В. А. Щавинский, М. В. Фармаковский и некоторые другие. Узнав об этом, представители РКИ, заседавшие в комиссии по чистке, пришли в неописуемую ярость. Договорились до того, что лаборанты и уборщицы ограбили советскую власть тем, что не платили налогов с денег, полученных неофициально (Ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 184–190).

После этого М. В. Фармаковский был уволен из ГАИМК. Его ожидала административная высылка. Официально она была связана не с увольнением, а с принадлежностью к *немецкому шовинистическому обществу*. Как можно предположить, «шовинистическое общество» всецело являлось изобретением НКВД[7]. Технологическое отделение, ставшее в 1932 г. Институтом исторической технологии, возглавил Н. П. Тихонов. Однако по окончании срока ссылки М. В. Фармаковский вернулся в Ленинград и вновь был принят на работу в ГАИМК.

Правда, из милиции бывшему ссыльному пришло предписание: выехать из города в трехдневный срок. Тогда Ф. В. Кипарисов отправил по инстанциям прошение: «Ввиду того, что М. В. Фармаковский выполняет сейчас весьма ответственные работы по реставрации Менделеевского кабинета к Международному Менделеевскому съезду и заменить его сейчас не представляется возможным, и, кроме того, Академия крайне заинтересована в его дальнейшей работе в ее институте. Академия убедительно просит дать разрешение на прописку…» (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 10). Это возымело действие.

В сущности, работы ИИТ в первой половине 1930-х гг. шли бы совсем неплохо, если бы не частые организационные перетряски. Его ведущими сотрудниками уже был накоплен ценнейший материал; созданные ими методики стали прочным фундаментом для последующих научных разработок. Так, В. Н. Кононов, параллельно работавший в Эрмитаже, в указанный период не прерывал изучения археологических тканей и древних красителей. Он провел сравнительный анализ материалов памятников Сибири и Монголии, разработал методику реставрации коптских тканей из коллекций Эрмитажа. Успешно продолжались работы и по большинству других направлений (см.: *Тихонов*, 1931б; 1934).

Следует особо отметить исследования ИИТ в области древней металлургии, размаху которых способствовали начавшиеся в 1932–1933 гг. широкие полевые работы на новостройках. Как с удовлетворением констатировал И. И. Мещанинов в своем предисловии к двухтомнику «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», ГАИМК и, в частности, Институту исторической технологии в этот период удалось наладить рабочие связи с такими «гигантами», как Гипрогор, Гидроэлектропроект, Главзолото, Союзолово, Союзредметгеоразведка и т. д. На их средства была начата разработка целого ряда тем, связанных с четвертичной стратиграфией, древней ирригацией, древними металлическими сплавами и пр. (*Мещанинов*, 1934. С. 9). Уже в 1935 г. из печати вышли подробные сводки всех имевшихся на тот момент материалов по истории добычи и технологий обработки олова на Кавказе (*Иессен*, 1935. С. 193–205)

7 Центральной фигурой в нем сделали недавнего заведующего разрядом металлов ИАТ *Ивана Андреевича (Иоганнеса Леопольда) Гальнбека* (1855–1934), который был этническим немцем, уроженцем Эстляндии. Во всяком случае, в одной из автобиографий М. В. Фармаковский упоминает, что был репрессирован «по делу Гальнбека». В результате он три года проработал научным сотрудником Ярославского краеведческого музея (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 9 об.).

и на севере Европейской части СССР (*Шмидт, Иессен*, 1935. С. 205–215). Параллельно в ИИТ производилось историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала (*Данилевский*, 1935). Автором его стал тогдашний заведующий кафедрой исторической технологии ИИТ *Виктор Васильевич Данилевский* (1898–1960) — специалист по тепло- и электротехнике, будущий профессор истории техники, лауреат Сталинских премий 1942 и 1948 гг.

В ходе этих работ не только был проанализирован мировой опыт изучения древних сплавов, накопившийся к тому времени, но и произведено новое, совершенно оригинальное их исследование, начавшееся с выработки методики манипулирования пробами минимального веса. Последнее явилось новым словом в технологических исследованиях, ибо промышленные анализы металлов требовали образцов, значительных по весу. То же самое наблюдалось в случаях, когда технологи обращались к изучению археологических находок. Так, на отчетной выставке к февральскому пленуму ГАИМК 1934 г. демонстрировался бронзовый топор, с которого до революции для исследования металла была взята навеска 160 г (Там же. С. 217).

В результате в 1930-х гг. в ИИТ были осуществлены спектральный и микрохимический анализ изделий из цветных металлов из целого ряда регионов Юга и Севера СССР. Впервые удалось определить качественный состав древних бронз для разных территорий и периодов, а также предположительно выделить группы металлических изделий единого происхождения. Попутно был разработан «минимальный микрохимический набор для полевой работы», предназначенный для того, чтобы археолог уже в полевых условиях был способен установить, не являются ли, к примеру, обнаруженные шлаки остатками древних бронзолитейных мастерских и т. д. Одновременно началась разработка новых методик, позволяющих перейти к детальному количественному анализу состава металлов — даже при минимальных размерах проб. Намечались опыты по рентгеноанализу древних бронз и золота, а также металлографические исследования (Там же. С. 217–252).

К сожалению, с 1934 г. от дел ИИТ постепенно стал отходить один из ведущих его специалистов Н. П. Тихонов. За минувшие четыре года он пережил «стремительный карьерный взлет, пройдя путь от сотрудника до директора Института исторической технологии и члена президиума ГАИМК» (*Тихонов, Захарова*, 2011. С. 10). Он добился впечатляющих результатов в области консервации и реставрации бумажных объектов и методики фотоанализа. Им были разработаны руководства: «Микрофотография археологических объектов», «Фотография как метод размножения и сохранности документов», «Книга и уход за нею» (Там же). Однако можно предположить, что отношения с вернувшимся из ссылки М. В. Фармаковским сложились у него не блестяще.

С 1934 г. Н. П. Тихонов с головой уходит в большую работу, связанную с оздоровлением книжных фондов ГПБ (ныне РНБ). На это правительством были отпущены значительные средства. И Тихонов оставляет пост директора ИИТ, сохранив за собой (до 1935 г.) заведование кафедрой реставрации и консервации. На базе наработок, сделанных в период работы в ИАТ/ИИТ, им создается особая лаборатория консервации и реставрации документов — ЛКРД (*Эрастов и др.*, 1998). 22 мая 1934 г. эта новая научная единица утверждается официально, но уже не в составе ГАИМК, а в составе Отделения общественных наук АН СССР. Указанная лаборатория с 1987 г. стала структурным подразделением ЛО Архива РАН (ныне — ЛКРД СПФ АРАН). Как видим, истоки ее уходят в ГАИМК.

Подводя итог, можно заключить: работы ИАТ/ИИТ 1919–1937 гг. во многом предвосхитили те разработки естественно-научных методов в археологии, которые широко развернулись в СССР четверть века спустя. Но если в 1950–1960-х гг. советским ученым пришлось в значительной степени опираться на зарубежный опыт, то работы, производившиеся в ГАИМК, порою вообще не имели аналогий в мировой научной практике своего времени. Пожалуй, лишь катастрофа 1936 г., обернувшаяся массовыми арестами ГАИМКовского руководства и обвинениями его в шпионаже и вредительстве, окончательно подорвала позиции ИИТ как главного центра исследований в области археологической технологии.

К сожалению, Академии «повезло» стать главной площадкой дискуссий представителей традиционной исторической науки и «красных профессоров». За поспешными попытками последних вывести социологические закономерности развития древних обществ *до* анализа конкретных источников и фактически *без* такого анализа постепенно терялась сама идея ГАИМК как многопрофильного учреждения нового типа, центра комплексных исследований археологических материалов. Тем не менее за идеологическим «фасадом» Академии неуклонно продолжалась кропотливая, высокопрофессиональная работа археологов, в частности углубленные технологические исследования. Но неустойчивость положения ГАИМК

в середине 1930-х гг., систематические аресты ее руководства (сначала среднего звена, а затем и верхнего) все больше приводили к тому, что ведущие специалисты ИИТ стали «оседать» в других учреждениях. Их недавние соавторы — ученые-естественники — также вели исследования в своих профильных институтах и все меньше сотрудничали с археологами.

М. В. Фармаковский держался до последнего, отстаивая исходные позиции — создание центральной площадки для междисциплинарных исследований в области истории культуры. Однако в 1936–1938 гг. сама эта идея на время как-то завяла и отошла на второй план. Наибольшую актуальность приобрело другое — спасение археологии как таковой, утверждение права работать с вещественными источниками, классифицировать их, не рискуя при этом заработать ярлык «буржуазного формалиста».

В конце 1937 г. ГАИМК была преобразована в ИИМК АН СССР. Сопровождалось это ее изгнанием из Мраморного дворца, превращенного в Музей В. И. Ленина, и переездом в новое, тесное и неудобное помещение. Там оказалось попросту негде развернуть Лабораторию археологической технологии. В мае 1938 г. М. В. Фармаковский, наконец, подает заявление об уходе из ИИМК и всю свою работу переносит в Русский музей.

С его уходом вопрос о развертывании ЛАТ уже не поднимался до самого конца войны. Он всплыл заново в 1944 г. — уже в новом историческом контексте (Ф. 312, д. 195; *Платонова*, 1991. С. 70–72). Прежние работы ИАТ/ИИТ не были забыты; потеря его для ленинградской археологии оказалась весьма ощутима. Но на практике для того, чтобы возродить лабораторию и возобновить технологические исследования в составе ЛОИА АН СССР, потребовалось целое десятилетие.

Литература

Воскресенский, Кононов, 1932 — *Воскресенский А. А., Кононов В. Н.* Химико-технологический анализ большого ковра № 14568 // Изв. ГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л., 1932.

Гаммерман, 1931 — *Гаммерман А. Ф.* Угли из Кара-Абызского городища // СГАИМК. 1931. Вып. 6.

Данилевский, 1935 — *Данилевский В. В.* Историко-технологические исследования древних бронзовых изделий с Кавказа и Северного Урала // Изв. ГАИМК, вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Т. 1. М.; Л., 1935.

Ермакова, 2005 — *Ермакова Н. В.* Реставрация шитья и тканей в московских музеях: становление и развитие: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Иессен, 1935 — *Иессен А. А.* Олово Кавказа // Изв. ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Т. 2. М.; Л., 1935.

Клер, 1926 — *Клер В. О.* Шлифы костей, древесного угля и древесины // Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 7.

Мещанинов, 1935 — *Мещанинов И. И.* Предисловие // Изв. ГАИМК, вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Т. I. М.; Л., 1935.

Платонова, 1991 — *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1.

Платонова, 2015 — *Платонова Н. И.* Археология и власть в России/СССР 1920-х годов: выработка новой научной идеологии // Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк, 2015. Вып. 7.

Полосьмак, 2012 — *Полосьмак Н. В.* Система жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии (империя хун-ну) и ее влияние на Китай эпохи Хань // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования / ред., сост. Е. Н. Черных. М., 2012.

Поповицкий, 1922 — *Поповицкий А. А.* О некоторых свойствах фотографии, важных для археологических исследований // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып. 1.

Тихий, 1926 — *Тихий М. И.* Предисловие // В. О. Клер. Шлифы костей, древесного угля и древесины. Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 7.

Тихонов, 1931а — *Тихонов Н. П.* Обработка древних тканей фотоаналитическим путём // СГАИМК. 1931. 1.

Тихонов, 1931б — *Тихонов Н. П.* Итоги и перспективы исторической технологии // СГАИМК. 1931. 11/12.

Тихонов, 1934 — *Тихонов Н. П.* Реставрация и консервация тканей // ПИДО. 1934. Т. 4.

Тихонов, Захарова, 2011 — *Тихонов П. А., Захарова А. А.* Семья Тихоновых (1870-е–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии // Фотография. Изображение. Документ / отв. ред. Д. О. Цыпкин. СПб., 2011. Вып. 2 (2).

Фармаковский, 1922 — *Фармаковский М. В.* Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып 1.

Фармаковский, 1932 — *Фармаковский М. В.* Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XI, вып. 7–9.

Фармаковский, 1947 — *Фармаковский М. В.* Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947.

Фармаковский, 1995 — *Фармаковский М. В.* Черная карбонизованная керамика // Антология советской археологии. М., 1995. Т. II. 1930-е годы[8].

Фармаковский, Красников, 1926 — *Фармаковский М. В., Красников И. П.* Керамика, ее техника и сохранение // Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 6.

Ферсман, 1922 — *Ферсман А. Е.* Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып 1.

Ферсман, Фармаковский, 1924 — *Ферсман А. Е., Фармаковский М. В.* Три года работы института. Известия Института Археологической Технологии. Л., 1924. Вып. II.

Цыпкин, 2009 — *Цыпкин Д. О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898-1963 гг. Концепции, учреждения, ученые: дисс. ... канд. ист. наук. 04200955689. СПб., 2009. 237 с. Электронный ресурс: http://cheloveknauka.com/formirovanie-istoriko-dokumentnoy-ekspertizy-v-rossii-1898-1963-gg#ixzz3ncHu9bZT.

Шмидт, Иессен, 1935 — *Шмидт А. В., Иессен А. А.* Олово на севере Европейской части СССР // Изв. ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. М.; Л., 1935. Т. 2.

Эрастов и др., 1998 — *Эрастов Д. П., Тихонов П. А., Чернина Е. С.* Николай Петрович Тихонов — основатель Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук // Теория и практика сохранения памятников культуры / ред. Э. Г. Вершинина, Е. С. Чернина. СПб., 1998.

8 В этом издании допущена грубейшая редакторская ошибка. Работа приписана старшему брату Мстислава Владимировича Б. В. Фармаковскому, в 1930-х годах уже покойному. К сожалению, «исправления» имени и инициалов автора проведены систематически — и в заглавии, и в колонтитулах, и в предисловии. Даже написанная мною биографическая справка (с. 227–228) озаглавлена: «Борис Владимирович Фармаковский», хотя приведенные в ней даты жизни ученого (1873–1946) и факты биографии совершенно тому не соответствуют.

Н. И. Платонова

Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)

В статье впервые с разных сторон анализируется работа Института археологической технологии РАИМК/ГАИМК, характеризуются все основные направления научно-реставрационных исследований, а также описываются перипетии, связанные со сменой руководства Института в 1920–1930-е годы.

N. I. Platonova

Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)

This article first considers the main aspects of the activities of the Institute of Archaeological Technology at RAIMK/GAIMK. The main aspects of the scientific restoration are here characterized and the circumstances related to the change of the leadership at the Institute in the 1920–1930s are described.